

лѣзной дорогой. Было ему лѣтъ 17, когда провели эту машину, надѣлавшую огромнаго шуму въ окологдѣ. Пронесся, между прочимъ, слухъ, что на нее глядѣть не дозволяется, а кто глядѣть будетъ, въ того съ машины изъ ружья палить будутъ. Вотъ Яковъ Ивановичъ былъ какъ-то въ лѣсу недалеко отъ линіи желѣзной дороги. — „Вдругъ, слышу, гудитъ... Ну, думаю, пропалъ я: застрѣлять!.. Либо въ чашу бѣжать, либо на мѣстѣ остаться — посмотрѣть, что за машина такая; авось въ лѣсу-то не замѣтятъ... Легъ я на брюхо, да ползкомъ за кустъ, оттуда и посмотрѣлъ. Потомъ, какъ на деревнѣ сказывалъ, не вѣрили: врешь, говорить, хвастаешь“...

И вотъ тотъ же самый Михѣйка, — допытывавшійся, будетъ ли урядникъ рѣзать поджилки, — попадаетъ въ волостные судьи; его берутъ прямо изъ трактира, гдѣ рѣчь идетъ про „сабелю“ и „поджилки“, сажаютъ за столъ, подъ портретомъ въ золотой рамѣ, и говорятъ: суди!.. А судить надо „по закону“ — это Михѣйка твердо знаетъ, потому что ежедневно слышитъ это и отъ мужиковъ, и отъ старшины съ писаремъ, и отъ всякихъ деревенскихъ грамотѣевъ и бывалыхъ людей. И тяжущіеся очень часто говорятъ ему, Михѣйкѣ, во время судопроизводства: „ты какъ насъ судишь-то?.. ты суди по закону, а не какъ-нибудь“. Да и у писаря, чтд рядомъ сидитъ, книги лежатъ на столѣ и бумаги разныя, — значить, и впрямь законы есть, по которымъ судить должно, а какіе такіе законы — онъ, Михѣйка, рѣшительно не знаетъ и потому держитъ себя на судейскомъ креслѣ смиренненько, слушаясь во всемъ писаря. Несмотря на то, что я на практикѣ старался возможно объективно относиться къ дѣйствіямъ волостныхъ судей, но и мнѣ иногда приходилось „во имя закона“ становиться въ разрѣзъ съ мнѣніями судей; изъ описанія дѣлопроизводства въ крестьянскомъ судѣ читатель, я думаю, замѣтилъ, что я принужденъ былъ защищать отвѣтчика по гражданскому дѣлу отъ тягчайшаго уголовного наказанія — порки. Не сдѣлать этого я, по закону, не могъ, такъ какъ на писарѣ лежитъ обязанность разъяснять судьямъ законы, а поступивъ такъ, какъ поступилъ, я грубо подавилъ требованіе народнаго правосудія о наказаніи наглаго обманщика, вина котораго — ложная божба — хотя и не была юридически доказана, но очень ясно чувствовалась всею обстановкою дѣла. Сколько же давленія производится вообще писарями и старшинами на правовой обычай въ пользу химерическаго, экспромтомъ придуманнаго „закона“, подъ которымъ, въ большинствѣ случаевъ, скрывается пристрастіе, подогрѣтое мѣрою пшена или поросенкомъ?.. И вотъ, судья оконча-